

Данил Доценко

МАШИНА

18+

Данил Доценко

Машина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73558473

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина бывает обманчива. Он искал уединения, но нашёл нечто иное. Глубоко под землёй, в бетонной глотке подвала, ждал свой кормилец. И его время пришло.

Данил Доценко

Машина

Спокойным вечером я и мои друзья ехали в мой новый дом, расположившийся на отшибе, на краю одной непримечательной деревни. С первого взгляда он заворожил меня своей отчуждённой атмосферой, присущей всем местам, удалённым от густонаселённых пунктов. Он одиноко стоял на вершине холма, окружённый необъятными полями, за которыми виднелась линия уходящего вдаль леса.

Причина собрания была проста: мы собирались запереться там для долгого празднования. Некоторое время мы потратили на поиск дороги, ведущей на холм. Всё дело в том, что сюрприз, который я устроил для друзей, они должны были увидеть ночью. Впрочем, они не оценили всей задумки, сославшись на то, что я слишком помешан на уединении, которое напрочь испортило мои вкусы. Хотя они хотели увидеть дом днём или на закате, я хитростью намеревался заставить их узреть его в ночи. Потому-то я более трёх часов запутывал нашего водителя, указывая неверные пути. Он кружил по всей деревне, пока усмешки друзей и бессмысленная езда не довели его нервы до предела.

К тому времени уже стемнело, и я решил оставить беднягу в покое, позволив ему наконец закончить это дело. К тому же я точно знал, что, указав верную дорогу, мы потратим ещё

какое-то время, за которое солнце окончательно скроется за горизонтом.

Но мой план провалился. Как только мы выехали на дорогу, поднимающуюся на холм, наш водитель ударил по газу. Мотор заревел, и мы лихо подпрыгнули на нескольких кочках. Мы пронеслись мимо полей, пылавших в свете заката, и доехали до конца пути, где на очередном подъёме нас встретил одинокий коттедж.

Ворота открыл бывший владелец – горбатый старик с прищуренными глазами. Я видел его всего три раза, и каждый раз он встречал меня мошеннической улыбкой. На сей раз я впервые заметил, что он куда-то торопился. А потому отдал ключи без лишних церемоний. Не попрощавшись, он сел в свой старый «Фольксваген», на прощание окинув дом злобным взглядом.

Никто из друзей толком не обратил на него внимания. Спустя час все о нём забыли. И только мой близкий друг Малик неловко поинтересовался, кем, мол, был тот старик. Я же не знал, что ответить, и потому не стал ничего рассказывать, так как сам не интересовался его историей. Типичный, в каком-то роде, пожилой холостяк. Он показывал мне дом без лишних слов: просто провёл по комнатам и угостил чашкой чая. Напоследок, провожая меня до ворот, он задал один и тот же вопрос:

– Я так понимаю, вы собираетесь здесь обосноваться надолго. Но скажите, будете ли вы делать ремонт? Знаете, это-

му дому уже больше двух веков, а ремонт делался всего два раза. Последний раз – моим отцом, тридцать шесть лет назад.

Я ответил, что не собираюсь ничего переделывать и что меня пока вполне устраивает состояние дома. Но я спросил, нет ли риска, что фундамент и стены не выдержат и десяти лет. Он ответил:

– Нет, нет. Его стены крепки, а фундамент стоит больше двухсот лет и ни разу не треснул. Можете сделать косметический ремонт. Но о капитальном даже не думайте.

К наступлению сумерек был накрыт большой праздничный стол. Вино и еда украшали его от края до края. В разгар торжества, когда окончательно стемнело, кто-то решил зажечь свет, но короткое замыкание мгновенно выбило пробки. На предложение найти щиток, я ответил, что дело это тёмное, да и к всеобщей атмосфере больше подходят свечи, припрятанные как раз на такой случай в кухонной тумбочке.

Позже кто-то пожаловался на холод, которого я совершенно не ощущал. Да и в целом жалобы стали поступать от каждого гостя. Одна девушка попросила проводить её в уборную, так как темнота и незнакомое место пугали её тонкую натуру. Я, как хозяин, проводил её, но по пути она не раз указывала на царящий в доме мрак. Вдоль коридора, по которому мы шли, имелись незашторенные окна, в которые частенько светила молния – надвигалась гроза. В тот момент я впервые заметил необычную атмосферу, переполнявшую

все комнаты. На миг я ощутил нечто гнетущее. Пока девушка занималась своими делами, я выглянул в окно и обомлел от нахлынувшего чувства беспокойства. Тучи закрыли собой всё небо. Ни звёзды, ни луна не проглядывали сквозь чёрную пелену. А завывающий ветер походил на рёв неведомого существа. Пустота – вот как можно было назвать то, что предстало моим глазам: мёртвые поля, на границе которых извивались силуэты деревьев.

Я услышал едва доносившийся гул и по ошибке списал его на ветер. Решив найти щиток и разбавить светом тревожные чувства, я дождался девушку и сообщил, что отправляюсь включать электричество. Она кивнула и, скрестив руки, пошла на кухню.

Минут пять я блуждал по дому, пока не вспомнил про старый сарай на заднем дворе. За это время я обнаружил отопительную систему и тут же пустил тепло по батареям. Но чтобы включить свет, мне пришлось выйти на улицу, где я тут же получил мощный удар холодного ветра в лицо. Припустил сильный дождь, но я всё же смог открыть сарай, где в полной темноте чудом отыскал электросчётчик. Там же, в сарае, мне под руку попала керосиновая лампа с почти пустым бачком. Мне повезло ещё больше, когда в одном из карманов старой куртки, валявшейся рядом с пачкой сигарет, я нашёл спички и тут же зажёл старую лампу.

Свет от неё был тусклым, но этого хватило, чтобы бегло осмотреть сарай и его содержимое. Первый взгляд не дал ни-

какого результата. Груды хлама были накрыты менее старым хламом. Всякие тряпки и мешки, а также много гнилого металла, изъеденного ржавчиной. Всё ценное, как я предполагал, забрал бывший хозяин. Я отнюдь не расстроился и продолжил искать. Солгу, если скажу, что искал что-то определённое. Мои действия были сугубо импульсивными, а подогревал их безумный азарт исследования.

Но меня что-то тревожило. Я одновременно радовался и боялся того, что мог найти. И я нашёл! Металлический люк под листами железа коварно притаился, сливаясь в общую ржавую массу. На нём не было ручек, только щели, отделявшие его от пола. Я просунул в них пальцы, ощутил холод, идущий из-под земли, а подняв люк, почувствовал его всем телом.

Мои предположения оказались неверны. Я ожидал увидеть погреб, но передо мной открылась часть лестницы, уходящей глубоко вниз. Расстояние между ступенями было огромным. Я спустился всего на три, но моя голова уже оказалась на уровне пола. Помимо этого, подвальный холод пронизывал до костей, насколько позволял домашний халат, который я, к слову, по случайности порвал, зацепившись за какой-то железный штырь. Укутавшись плотнее, я, вглядываясь под ноги, ступал вниз. Тьма расступалась перед светом лампы лишь на пару шагов. Помимо того, что было впереди, я поглядывал в пространство между ступенями, пытаюсь разглядеть дно. Я не помню, сколько времени занял спуск.

По ощущениям, прошло несколько часов. Я понял, что нахожусь глубоко под землёй – не на метры, а на целые этажи. Я прошёл вниз два, а может, и три этажа.

Мой спуск прервал вновь появившийся шум. Ни дождь, ни ветер больше не мешали, и, как мне показалось, шум стал отчётливее. Но определить его источник я не мог. Сделав два последних шага, я понял, что причина его находится здесь: бетонный пол под ногами издавал неприятную вибрацию. В конце длинного тёмного коридора мне встретилась металлическая дверь с тяжёлым засовом. Он с лёгкостью повернулся, и дверь отворилась, издав соответствующий скрежет.

Меня обдал морозный воздух. В комнате, в которую я попал, царил тьма. Слева я нащупал выключатель, и белый свет ударил по моим непривыкшим глазам. Но они быстро адаптировались. И ужас прошёлся по спине ледяными мурашками.

В этой пустой бетонной коробке, похожей на морг, с одной-единственной лампочкой, висящей на порванном проводе, в самом центре стоял ОН. Аппарат, который сложно описать. Я не техник и не механик, и я не знаю, как объяснить первое впечатление от увиденной конструкции. Это была металлическая коробка с некогда гладким покрытием, испорченным въевшейся ржавчиной. От неё в разные стороны расходились чёрные трубы и змеевидные провода, впивающиеся в стены. Они висели, словно лианы, и пошатывались от внезапно ворвавшегося откуда-то ветра.

Я подошёл к машине. Гул исходил от неё, точнее, откуда-то снизу. Коробка вибрировала, издавая скрежет. Парадоксально, но я не увидел никаких стыков, за исключением двух горизонтальных линий – одна снизу, другая сверху. При осмотре я не нашёл следов сварки. Все изгибы были плавными и даже в какой-то мере идеальными. Эта машина была цельным куском металла и намертво крепилась к бетонной плите.

Её скромный вид внушал мне страх. Необъяснимая паника закрадывалась в подсознание, когда я смотрел на это абсолютное творение. Но какую цель оно несло? Я не мог понять. И не хотел. Шум усилился, и вибрации стали невыносимыми. Я не мог стоять на месте, ноги наполнялись ноющей болью. От тех же вибраций и шума у меня раскалывалась голова.

Я заторопился наверх и случайно подвернул ногу между ступенями. Однако никакая боль не могла заставить меня остановиться. Наверху я толкнул люк, отчего тот с грохотом упал, подняв облако пыли.

По пути на кухню, где сидели мои друзья, я сильнее почувствовал боль в подвернутой ноге. Ввалившись в комнату, не глядя ни на кого, я уселся на ближайший стул, потирая болезненную лодыжку. Все как один уставились на меня широко раскрытыми глазами. Но затем девушка, которую я провожал до уборной, спросила:

– Что случилось?

Я ответил, что долго искал щиток в сарае и в темноте мне не посчастливилось подвернуть ногу.

Моя голова по-прежнему была наполнена невыносимой болью. Я чувствовал, как внутри черепной коробки интенсивно пульсирует, выжимая мои глаза и заставляя всякий раз прищуриваться, дабы приглушить муки. Рассказывать о том, что я обнаружил, я не стал, но поведал о головной боли, после чего окинул взглядом всех присутствующих. Я ожидал, что кто-то тоже пожалуется. Но все лишь сочувственно кивали, а затем предложили мне отправиться спать. Я понял, что я один слышу этот нескончаемый гул.

Всю ночь я провёл в спальне на втором этаже. Сон мой был беспокойным, прерывистым. Внезапные шорохи или дунувения ветра за окном под грозовой аккомпанемент будили меня, лишая покоя. Алкоголь в совокупности с шумом, издаваемым машиной, не сделали утро приятным. С тяжёлой головой я спустился на кухню и принялся убирать последствия вчерашнего разгула. Позже я походил по комнатам и застал своего друга Малика, расположившегося в главном зале. Я узнал у него, что вся компания разъехалась по домам на такси и что никто, кроме него, не высказал желания ночевать в подавленной атмосфере, присущей дому. Впрочем, и он сам, как оказалось, остался на ночь только из-за нашей дружбы.

Я спросил у него, не слышал ли он вчера или ночью чего-нибудь странного. На что он ответил, будто пару раз становился героем ночных кошмаров, в которых ничего ровным

счётом не происходило.

– Я не помню ничего, что могло бы напугать меня в тех снах. Мне казалось, что я не стою и не лежу, а падаю в какую-то чёрную пустоту, в конце которой меня ждёт нечто ужасней смерти. Паника накрывала меня от самого факта бездействия. Вокруг меня остановилось время, и я остановился вместе с ним, – сказал Малик, почесывая лоб и морща лицо так, будто старался вспомнить больше деталей.

Я не придал значения сказанному и, целиком поглощённый мигренью, покинул зал. Перед тем как выйти, я пригласил Малика позавтракать остатками вчерашней пищи. За столом Малик с удовольствием съел несколько кусков мяса и тарелку морского салата. Я же перебирал кусочки еды и без всякого аппетита не съел и половины того, что положил изначально.

За столом я то и дело поглядывал в окно. На белом небе из-за горизонта медленно поднимался огненный диск, одаривший нас тёплыми лучами. «Сколько же время? Неужели я так мало спал, что вижу рассвет?» Эта мысль вызвала необъяснимую тревогу. Я тут же оставил недоеденный завтрак и вернулся в постель, где провёл всё оставшееся время до вечера.

Время от времени в течение дня меня навещал Малик с бытовыми вопросами. Однако он всё же интересовался моим самочувствием и раз за разом предлагал вызвать доктора, на что я отвечал отказом, списывая свои недуги на последствия

вчерашней попойки. Каждый раз он заходил с видимой апатией, что, насколько мне был известен этот человек, никогда ему не было свойственно. В тот день он в последний раз зашёл вечером, безмолвно прошёл с опущенными руками от двери до кровати и сел на край, поникнув головой. Взгляд его был опустошённым и неживым. Просидев так около трёх минут, он не произнёс ни слова. Я спросил, в чём дело. Мой вопрос подействовал на него как удар молнии: он опомнился и взглянул на меня вопрошающе. Он был растерян и подавлен.

– Эти таблетки, – он кивнул в сторону прикроватной тумбочки, заставленной маленькими пилюлями, – они помогают тебе?

– Не сильно, но хватает, чтобы ненадолго заснуть.

Тогда я подумал, что его настигла та же беда, что и меня. И ненароком, между делом, обронил:

– Уже нет сил терпеть эту мигрень. Представляешь, уже в ушах гудит от этой напасти. Чёртова боль.

– Ты тоже выглядишь неважно. Всё в порядке? Глядя на его каменно-бледное лицо, я сказал:

– Нет. Всё нормально. Обычная тоска. – После он добавил: – Мне кажется, твой дом так влияет на меня. Я раньше никогда такого не чувствовал, но знаешь, это ощущение... оно интересное. Его можно сравнить со смиренным облегчением после тяжёлого отчаяния. На что он ответил почти блаженным голосом:

Затем он бесшумно покинул спальню, и я услышал глухие, удаляющиеся по коридору шаги. Малик никогда не был таким, каким показал себя в тот вечер. И поэтому я пришёл к выводу, что странности его поведения явно связаны со злощастной машиной под сараем. На следующее утро, едва покинув комнату, я встретил Малика, расхаживающего по коридору. Тогда я, подойдя к нему, решил рассказать о странной находке.

Его реакция произвела на меня парадоксальный эффект. Я ожидал удивления или недопонимания. Но, поведав историю, я сам удивился полной хладнокровности моего, некогда эмоционального друга. В любых ситуациях я всегда получал от него какую-нибудь остроумную шутку или ироничное высказывание. Как минимум, он мог бы прокомментировать, но предпочёл промолчать. После нашего разговора я решил воочию показать ему механический кошмар. Мы пошли в сарай вместе, он помог мне поднять люк, после чего мы, окутанные холодом, спустились к машине. Я снова почувствовал пульсирующую боль под черепом в тот миг, когда мы приближались к ней по коридору. В окружении тьмы я издали глядел в дверной проём. Там, в кольце света, стоял зловещий механизм. Приблизившись, я обратил внимание на поведение Малика. Он по-прежнему оставался спокоен и, не проронив ни слова, с любопытством принялся разглядывать гудящую коробку.

– Слишком громкий вывод. Это может быть что угодно.

Хотя, я думаю, что это мусоросжигательный аппарат.— Как думаешь, что это такое? — спросил я, выдыхая. — Не могу знать. Похоже на генератор, но только по форме. В целом же я теряюсь в догадках, — отвечал он, всё это время трогая устройство. — Думаешь, это внеземное? — неуверенно спросил я. Тогда на его лице появилась крохотная улыбка, от которой мне стало немного легче.

И действительно, устройство отдалённо походило на мусоросжигатель. Предположив, что это верная догадка, я задался вопросом о его расположении. Уж больно странным мне казался тот факт, что его спрятали. И я имею в виду именно сокрытие, ведь расположи его неглубоко в подвале, а в том же сарае, все вопросы отпали бы сами собой. От долгого нахождения там мне становилось хуже. Нервы ослабевали. Я тут же выскочил на улицу и, глотая свежий воздух, просидел на лавке возле сарая с десятков минут. За мной вышел Малик и, не глядя в мою сторону, ушёл в дом. Вскоре я почувствовал морось и поспешил за ним.

На следующий день я отправился в город с визитом к доктору. Он внимательно выслушал мои жалобы, но списал всё на осеннюю хандру. Я негодовал и к тому же не мог спокойно лежать на проклятой кушетке, посему остальное время попросту вышагивал по кабинету. Видя мой невроз, мне прописали успокоительное и постельный режим. Но я знал, что последнее не поможет, поэтому настоял на более сильных препаратах. Я не стал рассказывать доктору о машине.

Не говорил я и о Малике, стоявшем на пороге глубокой депрессии. И уж точно я не стал говорить о своём отчаянии, возникшем во время приёма. Ведь даже в городе, за четырнадцать километров от дома, я слышал непрекращающийся гул.

На часах было десять, когда я вернулся домой. Поднялся сильный холодный ветер. Я поспешил внутрь, где не застал Малика. Выглянув в окно, при свете поднявшейся луны я не разглядел его машины, а потом и вовсе забыл о ней. Малик уехал и даже не сказал об этом. Последнее не столько расстроило меня, сколько вызвало гнев, который я никак не мог объяснить. За эти несколько дней я привык к его обществу, и моё, без того болезненное состояние, усугубилось от осознания одиночества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.